

ЧЕХОВ В ПИСЬМАХ БРАТА МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА

Сообщение Е. З. Балабановича

В обширной эпистолярной части архива Чехова переписка членов его семьи занимает сравнительно небольшое место. Многие из писем родных Чехова давно утрачены. Между тем письма тех, кто жил рядом с великим писателем и повседневно общался с ним, представляют значительный интерес не только для исследователей, но и для читателей Чехова. В них запечатлены драгоценные для нас эпизоды жизни писателя и черты его личности.

К числу таких биографических документов относятся письма младшего брата писателя, Михаила Павловича (1865—1936), к двоюродному брату Георгию Митрофановичу Чехову. До 1942 г. эти письма бережно хранил Георгий Митрофанович, живший в Ростове-на-Дону. В 1942 г. он скончался. Рядом с ним, старым и больным человеком, не было никого из близких, и письмам, как и всему архиву Г. М. Чехова, в трудное время войны и гитлеровской оккупации, грозило уничтожение. Однако по счастливой случайности рукописные материалы уцелели. Когда окончилась война, документы были разысканы братом покойного Владимиром Митрофановичем, после смерти которого его вдовой, Софьей Михайловной Чеховой, они были переданы в Государственный Литературный музей, где и хранятся поныне.

Пятьдесят пять писем М. П. Чехова охватывают большой промежуток времени — с 1888 по 1936 г. Основная их часть относится к концу 1880-х — началу 1890-х годов, когда Михаил Павлович жил вместе с Чеховым сначала в Москве, потом на Украине и, наконец, в Мелихове.

Начиная с юношеских лет, Михаил Павлович помогает Чехову в литературной работе, являясь его своеобразным секретарем, — переписывает произведения, выполняет различные поручения по связям с редакциями. Младший Чехов — литератор, его произведения появились в печати еще в 1880-х годах. Он выступал как беллетрист, детский писатель, редактор журнала для детей. В 1907 г. второе издание его книги «Очерки и рассказы» получило пушкинскую премию Академии наук (почетный отзыв).

В большом по объему литературном наследии М. П. Чехова особое место занимают мемуары и работы биографического характера. В 1905—1910 гг. им были опубликованы воспоминания о Чехове, в 1912—1916 гг. — вступительные биографические очерки к шести томам писем Чехова под редакцией М. П. Чеховой. Написанные в основном на материале личных воспоминаний, эти вводные статьи давно вошли в число необходимых источников для изучения биографии Чехова.

Особенно широко развернулась работа мемуариста после Октябрьской революции. В 1923 г. появилась книга «Антон Чехов и его сюжеты», в 1924 г. — «Антон Чехов, театр, актеры и „Татьяна Репина“», в 1929 г. были опубликованы воспоминания «Антон Чехов на каникулах» (о летнем отдыхе писателя), в 1933 г. напечатана книга «Вокруг Чехова», явившаяся итогом многолетней работы мемуариста.

Воспоминания М. П. Чехова, написанные с большой правдивостью и теплотой, представляют значительную биографическую ценность. Они воссоздают многие черты жизни писателя и его семьи на протяжении нескольких десятилетий, рисуют людей, окружавших Чехова, описывают места, связанные с жизнью и творчеством писателя.

В последние годы жизни Михаил Павлович был научным сотрудником и консультантом Дома-музея Чехова в Ялте. Здесь, при участии Марии Павловны, им была написана книга «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте» (каталог). Это не обычный сухой перечень музейных материалов. Здесь рассказана «биография» каждого экспоната, его происхождение, связь с событиями жизни Чехова.

Если имя Михаила Павловича знакомо читателям, то об его корреспонденте знают только по коротким упоминаниям в письмах Чехова. Поэтому на личности и обстоятельствах жизни двоюродного брата писателя следует остановиться несколько подробнее.

Среди довольно большой родни Чехова имелись сверстники Антона Павловича и его братьев. Судьбы этих людей сложились по-разному, но почти все не очень благоприятно. Трудные материальные условия не позволили им получить высшее и даже среднее образование. Их природные дарования не могли развиваться. Так сложилась и жизнь Георгия, сына любимого дяди Чехова, Митрофана Егоровича.

С ранних лет мечтавший об учении, любивший книгу Георгий Чехов вынужден был шестнадцатилетним юношей начать трудовую жизнь в конторе Таганрогского общества пароходства и торговли. Работать приходилось с пяти часов утра до восьми-девяти часов вечера с небольшим перерывом. Все свое свободное время он отдавал чтению и был страстным поклонником творчества Чехова. По-видимому, он обладал и литературным даром. Антон Павлович восхищался задушевностью его писем.

Конечно, Чехов хорошо понимал, какое значение для юноши-провинциала имеет моральная поддержка двоюродного брата — москвича, старшего по возрасту и притом писателя. Чехов ласково откликался на письма Георгия Митрофановича, исполнял его маленькие просьбы, касавшиеся, главным образом, присылки книг, журналов и газет, в том числе тех, где были напечатаны произведения писателя. По словам родных, Георгий Митрофанович был любимцем Чехова.

Особенно близок был Георгий Митрофанович с М. П. Чеховым. Они подружились во время поездки Михаила Павловича в Таганрог в 1888 г. Возвратившись домой, Михаил Павлович писал Георгию: «Благодарю тебя за твои добрые отношения ко мне, за твою великую ко мне расположенность. Еще большей расположенностью я плачу тебе за нее. Мы не долго прожили вместе, но слишком скоро сошлись. А сошлись мы потому, что у меня никогда не было младшего брата, а у тебя — старшего. Наша встреча восполнила этот недостаток, — и расставаться было уже тяжело» (13 июня 1888).

Сразу же после таганрогских встреч между Михаилом и Георгием Чеховыми завязалась переписка, продолжавшаяся почти полвека. К сожалению, неизвестно, сохранились ли встречные письма Г. М. Чехова. В Отделе рукописей ЛБ есть лишь одно письмо (приписка карандашом к письму Е. Я. Чеховой).

Вполне понятно, что младший брат Чехова писал прежде всего о самом себе, о своих переживаниях, мыслях, делах, о том, что, как ему казалось, могло заинтересовать его корреспондента. Наряду с этим, во многих письмах отражены события, происходившие в большой и дружной чеховской семье, в центре которой стоял Антон Павлович. Молодому человеку было многое недоступно в сложном душевном мире Чехова. Часто он проходил мимо того, что не оставил бы без внимания более зрелый человек. Но его письма, ценные своей непосредственностью, правдиво запечатлели некоторые черты жизни семьи Чеховых.

Михаил Чехов испытал на себе благотворное влияние старшего брата, рано созревшего духовно. В лице Антона Павловича юноша видел повседневный пример самоотверженного творческого труда, благожелательного отношения к людям, ненависти ко всяческой неправде, веселого и мужественного преодоления трудностей. И можно без преувеличения сказать, что Антон Павлович был воспитателем младшего брата.

Михаила воспитывал и весь трудовой уклад жизни чеховской семьи, где царил взаимное уважение, внимание друг к другу. А общий тон непринужденности, юмора подчеркивал бодрость, душевное здоровье писателя и его близких. Как всякий хороший воспитатель, Чехов знал, какое большое направляющее значение может иметь вовремя сказанное слово, подтвержденное моральным авторитетом человека.

Читателям Чехова памятно замечательное письмо Антона Павловича 1886 г. брату-художнику о том, каким условиям должен удовлетворять воспитанный человек.

Не менее интересно письмо гимназиста восьмого класса Антона Чехова четырнадцатилетнему брату Михаилу, где находим слова: «Среди людей нужно сознавать свое достоинство» (XIII, 29), ставшие потом одним из важнейших слагаемых личности Чехова.

Письма Михаила Павловича к Георгию Митрофановичу сохранили еще один пример такого воспитательного воздействия Чехова. На этот раз дело было связано с увлечением Михаила Павловича низкопробными спектаклями оперетты, которые могли испортить вкус и дурно повлиять на формирующийся характер юноши.

«Ты теперь испытываешь то же самое, что в твои годы испытывал и я, — пишет Михаил Павлович. — Едва только я почувствовал себя взрослым, как негодная оперетка так вскружила меня, что я чуть голову не потерял. Спасибо, Антоша вовремя предостерег меня тогда и объяснил мне, что оперетка в сущности и есть не что иное, как развращение толпы. Посуди сам, для чего устраиваются театры? — для того, чтобы *воспитывать* народ, *смягчать* грубые нравы, показать публике, что хорошо и что дурно, — одним словом, театр должен идти рука об руку со школой. А воспитывает ли народ оперетка? Конечно, нет! Она учит его только зубоскалить, показывает ему голые руки и ноги, угощает его ломаниями, кривляниями и похабными куплетами, — и только! Тебе, мой милый, мои слова покажутся странными; точно так же и мне казались странными слова Антона. Но прошел год, другой, — и я сам убедился в том, что говорил мне Антон. То же случится и с тобой» (1 января 1889).

Самый факт, что Михаил Павлович передает своему корреспонденту нравственный урок, полученный им в свое время от старшего брата, говорит о том, как глубоко вошло в его сознание многое, сказанное Чеховым.

Ряд писем М. П. Чехова отражает жизнь семьи Чеховых в Москве, на Садовой-Кудринской улице, в доме Корнеева, где писатель жил в 1886—1890 гг. В это время Чехов создает свои первые пьесы, которые увидели сцену. В ноябре 1887 г. состоялась премьера пьесы «Иванов» в театре Корша. В апреле 1888 г. там же впервые была поставлена шутка «Медведь». В январе 1889 г. с большим успехом на сцене Александринского театра прошел «Иванов». Большой поклонник театра, Михаил Павлович особенно живо откликается в письмах на постановки пьес брата. Театралом был и Г. М. Чехов, игравший на любительской сцене и впоследствии, как он сам говорил, выучивавший наизусть монологи из «Трех сестер». Приглашая его приехать в Москву зимой 1888/89 г., Михаил Павлович писал: «Теперь в театре идет новая пьеса Антона „Медведь“, за которую публика всякий раз вызывает автора и рукоплещет ему с азартом. Приезжай, посмотришь. А посмотреть стоит!» (5 ноября 1888).

О том, с каким триумфом прошла пьеса на сценах театров Москвы и провинции, говорят другие письма Михаила Павловича. Наивно, по юношески гордясь успехом брата-драматурга, Михаил Павлович сообщал: «Антошиного „Медведя“ ставили у себя на домашних сценах министр финансов и министр иностранных дел; говорят, что весь высший свет от души хохотал, глядя на пьесу Антона. На той неделе „Медведь“ пойдет на императорской сцене, а сейчас уже в 11-й раз его жарят в Русском Драматическом театре в Москве. Приезжай, увидишь, как пошел Антоша в гору» (14 декабря 1888). Пьесу «стали играть не только в театрах, но даже и в театральных школах. Значит, роли Поповой и Смирнова — замечательные, что на них учиться стали!» (5 апреля 1889). И позднее, 12 сентября того же года: «У нас теперь *три* драматических театра: 1. Горевой, 2. Абрамовой и 3. Корша. Четвертый — императорский (Малый). Смотри — не хочу! Во всех трех каждый день жарят Антошины пьесы: у Горевой — „Предложение“, у Абрамовой — „Медведь“, а у Корша — „Иванов“... Вышел еще новый водевиль Антона „Трагик поневоле“ — страшно смехотворный».

В письме от 12 марта 1889 г. содержится перечень городов, где были поставлены первые пьесы Чехова, очевидно, подготовленный Михаилом Павловичем по не дошедшим до нашего времени материалам архива писателя. Оказывается, что пьесу «Медведь» играли тогда в Москве, Харькове, Калуге, Полтаве, Новочеркаске, Таганроге, Ревеле, Кронштадте, Томске, Киеве, Туле, Тифлисе, Казани, Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме, Симбирске. «Иванов» получил сравнительно меньшую популярность, но все же, помимо Москвы и Петербурга, по свидетельству Михаила

Павловича, он шел в Харькове, Екатеринославе, Ярославле и Ростове-на-Дону. Эти сведения со всей наглядностью говорят о том, что уже к началу 1889 г. первые драматические произведения Чехова завоевали прочное положение на русской сцене.

Пьесы Чехова были поставлены и на сцене Таганрогского театра. 12 марта 1889 г. Михаил Павлович передавал Георгию просьбу старшего брата: «Антоша просит тебя очень убедительно выслать ему или афишку „Медведя“ или тот № „Таганрогского вестника“, где о нем говорится».

Ростовский антрепренер Черкасов выписал от автора экземпляр пьесы «Иванов» и собирался ее ставить в Таганрогском театре. Эта постановка также привлекла внимание Чеховых, и 18 октября 1889 г. Михаил Павлович обращался к Георгию с новой просьбой: «Пожалуйста, напиши про „Иванова“. Это всех нас очень интересует. Воображаю, как в вашем театре дурака ломать будут».

Постановки пьес помогли Чехову освободиться от хронического безденежья и дали ему возможность более спокойно и сосредоточенно заняться литературной работой. Получение значительного по тому времени гонорара было событием в жизни Чехова, о чем извещались таганрогские родственники. Так, 20 февраля 1889 г. Михаил Павлович писал двоюродному брату: «Сегодня прислали Антоше из Петербурга счет за „Иванова“. Оказывается, что за пять представлений ему придется получить с театральной дирекции 1004 рубля. Вот молодчина!».

В период нужды в доме писателя не бывало подчас даже пятидесяти копеек, чтобы уплатить почтальону за доставку книг. Приходилось закладывать в ломбарде вещи, часы и семейную реликвию — золотую монету (об этой монете см. в настоящем томе в воспоминаниях Н. В. Голубевой). В письме к Г. М. Чехову от 21 марта 1889 г., вскоре после получения гонорара за «Иванова» Михаил Павлович сообщал: «Ходил я как-то в Ссудный банк выкупать Антошины драгоценности, — помнишь, в тот самый банк, куда мы ходили вместе с тобой и где служат за решеткой все дамы».

Даже во время самой напряженной литературной работы Чехов, ставший известным писателем, не оставлял медицинской практики: «Пишу, пишу, немножко лечу, опять пишу», — сообщал Антон Павлович своему товарищу по профессии, врачу Е. М. Линтваревой (XIV, 238). Как и художественное творчество, занятия медицинской отвечали глубокой внутренней потребности Чехова, еще больше приближали его к людям. Порой медицинская практика брала у Чехова очень много душевных и физических сил. Но, по долгу врача и человека, он с предельным вниманием и ответственностью относился к своим пациентам. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Михаила от 5 апреля 1889 г.: «Антоша в день два раза ездит навещать больного пациента, который живет так далеко, что на одни разъезды тратится по 4 часа в день. Бедный, истомился весь и не успевает еще при этом как следует отдохнуть».

«У нас по-прежнему тьма народу». Эта короткая фраза из письма Михаила Павловича говорит об обычном оживлении в доме на Садовой-Кудринской. Здесь бывали начинающие литераторы, актеры, художники, музыканты, педагоги, студенты, курсистки — друзья и знакомые Чеховых.

Михаил Павлович не раз упоминает о частых посетителях их дома — музыкантах А. И. Иваненко и М. Р. Семашко. Первый из них — флейтист, участник симфонического оркестра тогдашнего популярного дирижера П. А. Шостаковского, второй — виолончелист, позднее, по рекомендации П. И. Чайковского, ставший артистом оркестра Большого театра. Михаил Павлович сообщает о концерте, который дал Семашко в гостиной у Чеховых. «Как жаль, что ты не слышал его», — добавляет он, обращаясь к Георгию Митрофановичу.

У себя дома Михаил Павлович видел многих замечательных деятелей русской литературы и искусства. Но в его письмах есть упоминание только об одной из таких памятных встреч — о посещении Чехова П. И. Чайковским. Этот значительный эпизод биографии писателя был тогда отражен только в нескольких строках писем Антона Павловича (XIV, 414, 415). Их дополняет тоже очень краткое сообщение М. П. Чехова, сделанное под живым впечатлением встречи: «Был у нас третьего дня в гостях Петр Ильич Чайковский, автор „Евгения Онегина“. Ну, что за милый чело-

век! Совсем не похож на брата. Такой приветливый, добрый и, главное, не шипит и не суетится» (18 октября 1889). Эта оценка прямо перекликается с впечатлением самого Чехова от его первой встречи с Чайковским в январе того же года: «Он хороший человек и не похож на полубога» (XIV, 276).

Упоминаемый в письме Михаила Павловича брат композитора — это, очевидно, Ипполит Ильич Чайковский, живший в 1880-х годах в Таганроге. Он был управляющим агентства Русского общества пароходства и торговли, где работал Г. М. Чехов.

УСАДЬБА ЛИНТВАРЕВЫХ ЛУКА ПОД СУМАМИ. ГДЕ ЧЕХОВЫ ПРОВОДИЛИ ЛЕТО в 1888—1889 гг.

Флигель, в котором жил Чехов

Авварель М. П. Чехова

Дом-музей Чехова. Москва

Интересно, что Георгий Митрофанович также познакомился с П. И. Чайковским, приехавшим в Таганрог навестить своего брата. Г. М. Чехов рассказал об этом в письме Антону Павловичу, poslanном на остров Цейлон, где писатель находился по пути с Сахалина. Это письмо не сохранилось. Несколько позднее, в декабре 1890 г., Георгий Митрофанович писал Чехову о братьях Чайковских: «Это дивные люди».

Из писем Михаила Павловича вырисовывается картина жизни сплоченной семьи, где отношения были проникнуты родственной теплотой, где иногда были непрочь беззлобно подшутить друг над другом. Вот, например, не без юмора нарисованная сценка послеобеденного отдыха в гостиной:

«Сейчас же после обеда, когда Машета, утомленная разливанием супа да раскладыванием по тарелкам жаркого, разваливается на своей кушетке, а Антоша и Ваня садятся напротив нее у горячей печки и начинают раскуривать свои папиросы, — я хватаю милого Иваненку за бока, усаживаю его за пианино и под его аккомпанемент начинаю петь. Иваненко играет и морщится. Антон улыбается, а Машета умоляет

меня перестать.— „Надоел! Просто душу на части рвет твой гадкий голос!“ — кричит она из своей комнаты, а я все пою и пою. Пою до тех пор, пока с натуги не начнут ныть глаза.— Ну, голос! — говорит Иваненко, глядя мне в глаза и укоризненно, по-хлаци, мотает головой» (20 февраля 1889).

Верным помощником писателя была сестра Мария Павловна. Художник по натуре, она обладала вместе с тем истинно чеховской деловитостью, умением вникать во все мелочи сложного быта семьи. В сущности, она была настоящей хозяйкой дома Чеховых. Братья Чеховы с нежностью относились к своей единственной сестре. «Сестра — это верх совершенства», — писал Михаил Павлович одному из знакомых (письмо С. А. Петрову, 1887 г.). «Я заключил из всех симпатичных рассказов дорогого Михалика <Михаила Павловича>, что она есть у вас богиня чего-то доброго, хорошего и милого», — так в письме Чехову передавал свое впечатление от бесед с двоюродным братом Георгий Митрофанович (30 апреля 1888).

В письмах Михаила Павловича зафиксированы выразительные детали быта дома Чеховых. Здесь сообщение о традиционном катании на лошадях в дни масленицы, о поездке за город, в которой принимала участие гостя — племянница домохозяина — казачка Зиночка. Здесь рассказывается и о том, как в пасхальную ночь Чеховы слушали колокольный звон на Каменном мосту возле Кремля.

В числе других домашних новостей писатель сообщал брату Александру о горничной: «Ольга выходит замуж» (XIV, 320). В письмах Михаила Павловича это же событие описано очень подробно: «Наша Ольга сосватана. На днях было благословение. Мамаша и папаша были ее посаженными отцом и матерью, оба плакали, а Ольга больше всех. На Пасхе будет свадьба. Вчера к Ольге приходил жених, собрались гости, и на кухне до поздней ночи пиликала гармоника и раздавалось топанье каблукми; бал был в полном разгаре. Приданого жених берет с Ольги 45 рублей» (20 февраля 1889).

«Сегодня у нас свадьба. Наша Ольга выходит сегодня замуж и ревет как белуга на всю кухню. Мать и сестра Машета подарили ей от себя прелестное подвенечное платье, отец подарил ей самовар для первого обзаведения, Антоша отвалил ей малую толлку, — а она все ревет и ревет. Свадьбу молодые будут праздновать в корнеевской кухне, а не в нашей, потому что наша оказалась мала... Все мы, а также наши добрые симпатичные друзья Семашко и Иваненко, вечером пойдем поглядеть на них. Уверю тебя заранее, что эта свадьба будет много приличнее той, на которой мы гуляли за Москвой-рекой» (14—15 апреля 1889).

Когда читаешь эти кусочки писем, невольно вспоминаешь рассказ Чехова «Кухарка женится», написанный несколько ранее, в 1885 г.

Михаил Павлович всячески стремился приблизить своего корреспондента к жизни дома на Садовой-Кудринской. Не ограничиваясь словесными описаниями, он украсил некоторые письма миниатюрными рисунками, изображающими внешний облик дома и его интерьеры. Рисунки сделаны пером и, за исключением одного, раскрашены акварелью. Это очень ценные биографические документы — ведь у нас нет других изображений — фотографий или зарисовок — внутреннего вида дома Корнеева. Графически четкие, эти миниатюры со всей конкретностью воссоздают вид дома и обстановку квартиры писателя: темно-вишневый дом Корнеева («цвет дома либеральный, т. е. красный», — писал Антон Павлович. — XIII, 369); уголок кабинета писателя с открытыми книжными полками и мягкой мебелью в белых чехлах; спальня Чехова со студенчески-простой железной кроватью и маленьким письменным столом; гостиная с овальным столом и пианино, взятым напрокат; столовая с чинно расставленными на столе приборами, точно ожидающими членов семьи к обеду или ужину.

Рисунки Михаила Павловича стали основным документом для восстановления мемориальных комнат писателя в московском Доме-музее А. П. Чехова. О том, с какой точностью зафиксированы на этих миниатюрных акварелях интерьеры чеховской квартиры, говорит, например, такая деталь. При воссоздании обстановки кабинета писателя надо было определить, где именно висела картина Левитана «Река Истра», подаренная художником Чехову. Рассмотрение в лупу миниатюры М. П. Чехова показало, что на стене, изображенной на рисунке, висит картина, композиция которой

(две горизонтально расходящиеся полосы, напоминающие реку) полностью совпадает с композицией картины Левитана. Таким образом вопрос был решен.

В письмах М. П. Чехова зафиксирован и пейзаж, открывающийся из окон дома на Садовой-Кудринской. «Ну, что у вас нового? — спрашивает Михаил Павлович двоюродного брата в письме от 12 марта 1889 г. — Морозы? Морозы, брат, и у нас! При этом

Кудринская-Садовая, № 6
12 мар. марта 1889 г.

Послушай, Александрита! Ну, как тебе после этих писем? Еще со мной тоны насмешки и пошлости из-за твоих длинных-длинных писем со слезами, а оттого ты суха, ты дура. Почему же? Сердишься? Повторяю, пишешь не много со своей стороны. Я же упорно стараюсь на твои письма и в тоже время пишу Антону и Морозову, мне очень хорошо, что в Москву это все письмо. Ну, а что со тобой? Не хочешь отвечать и не надо! Пишу еще раз, и кончено, буду писать к тебе всегда.

Ну, что у вас нового? Морозы? Морозы, брат, и у нас! Прошло еще третьяго дня началась страшная вьюга и, ты не поверишь, намело в палисаднике у меня перед окном такой сугроб, что даже гимназии (напротив дома Чеховых была 4-я женская гимназия — Евг. Б.) не видно: конножелезные дороги прекратили свои действия и лошади у извозчиков грузнут в снегу по колена.

ПИСЬМО М. П. ЧЕХОВА к Г. М. ЧЕХОВУ ОТ 12 МАРТА 1889 г.

Лист первый

На рисунке — кабинет Чехова в его квартире на Садовой-Кудринской (ныне Дом-музей Чехова)

Литературный музей, Москва

еще третьего дня началась страшная вьюга и, — ты не поверишь, — намело в палисаднике у меня перед окном такой сугроб, что даже гимназии (напротив дома Чеховых была 4-я женская гимназия — Евг. Б.) не видно: конножелезные дороги прекратили свои действия и лошади у извозчиков грузнут в снегу по колена.

Наступили теплые дни ранней весны, и тесноватые комнаты корнеевского дома стали тяготить младшего Чехова. Даже примелькавшийся уличный вид вызывал

раздражение. «Эта женская гимназия торчит перед глазами. Даже вечно шмыгающие перед нашими окнами конножелезные вагоны и те стали тоску нагонять!» (14 апреля 1889).

Братьев Антона и Михаила Чеховых соединяла любовь к путешествиям. «Ах, будь у меня лишних 200—300 руб. ... Я бы весь мир изездил!» — писал Чехов в 1887 г. (XIII, 325). Если у младшего Чехова стремление к неизведанным местам было данью юношеской романтике, то для Антона Павловича главное было в другом: поездки расширяли сферу его писательских наблюдений, углубляли столь необходимое художнику слова знание жизни. Письма М. П. Чехова отражают и эту тему.

В июне 1888 г. Чехов предпринял поездку на лошадях по Украине из Луки Сумского уезда в Бакумовку Миргородского уезда — так сказать, из «чеховских» в «гоголевские» места. Прodelав эту четырехсотверстную поездку, писатель в июле предпринял новое, более далекое путешествие, о маршруте которого подробно рассказано в письме младшего Чехова:

«Наш Антон Павлович поехал в Крым, пробыл там две недели, сел в Феодосии на „Юнону“, доехал на ней до Сухум-Кале, в Сухум-Кале пересел на поганого „Дира“ и приплыл на нем в Потти. На пути „Дир“ чуть не столкнулся с „Твиди“. Погостивши в Потти, наш путешественник отправился в Турцию, для чего высадился в Батуме. Из Батума до Тифлиса ехал он по железной дороге, от Тифлиса до Владикавказ на лошадях переезжал через Кавказские горы, а от Владикавказ до Таганрога ехал снова по железной дороге. В Таганроге он пробыл только два часа и дальше ярмарочного двора не ходил никуда. Некогда было. Только третьего дня он приехал к нам в Сумы и скоро опять уезжает в Полтаву» (август 1888).

«Трофеи» этого путешествия были привезены писателем: «Из Турции он привез две огромных папачи, два кинжала, две фески, два кувшинчика и прелестный музыкальный инструмент „чонгур“, ростом в полтора аршина. Этот инструмент он подарил мне. Я быстро приловчился к нему и теперь играю уже на славу» (август 1888).

В письме от 5 апреля 1889 г. Михаил Павлович рассказывает о замысле нового путешествия: «Антоша, если его больному станет легче, на третий день Пасхи выезжает в Киев, оттуда поедет в Одессу, из Одессы в Севастополь, потом в Батум, Тифлис и, наконец, через Таганрог он думает возвратиться на Луку. В Таганроге мы решили встретиться».

«Больной» — это брат писателя — Николай Павлович. Несколько позже Михаил Павлович писал Г. М. Чехову: «Заболел наш бедный Николай Павлович брюшным тифом, лежит уже полтора месяца и долго ли еще будет лежать, про то знает Аллах. Он, бедный, настолько плох, что, право, как-то совестно бросать его. Значит, я не увижусь с тобой и тогда, как предполагал <т. е. в Таганроге. — Егг. Б. >» (14 апреля 1889).

Летние месяцы 1888 и 1889 гг. писатель и его семья проводили на Украине, в живописной усадьбе Луке, вблизи города Сумы. В конце апреля 1889 г. на Луку был перевезен и больной Николай Павлович.

Чехов с восхищением отзывался о пейзажах Луки и об ее обитателях. Писателю нравилась природа Украины, поэтические обычаи украинского народа, и здесь ему жилось как-то по особому привольно и уютно. К сожалению, этот период биографии писателя еще недостаточно обследован. Письма Михаила Павловича дополняют наше представление о жизни семьи Чехова на Украине.

Чехов перебирался на Луку после многих месяцев напряженного труда, после волнений, связанных с первыми постановками пьес. Умевший упорно и плодотворно работать, писатель умел хорошо пользоваться отдыхом, набираясь новых впечатлений, наслаждаясь жизнью среди природы, в окружении близких людей. Письма Михаила Павловича доносят до нас живые черты этой жизни.

«Если б ты знал, как хороши наши вечера, то ты бросил бы все, и дачу, и семью, и тотчас бы приехал к нам! — пишет Михаил Павлович. — Ты и представить себе не можешь, как хорошо здесь, когда в воздухе так тихо, что даже лист не шелохнется, и когда Псёл — как зеркало. Прибавь к этому еще запах цветущей липы, бузины и жасмина, да аромат от только что скошенного сена, которым усеяна наша терраса ради Троицы, да еще луну, точно блин висящую как раз над головой, — и ты будешь иметь

полное представление о наших вечерах. Таков вечер и сейчас, когда я пишу тебе это письмо. Сейчас я на террасе. Справа у меня — наш дом, слева — огромный дикий сад, поднимающийся в гору; как раз передо мной сквозь листву и кое-какие постройки блестит Псел и видно желто-розовое, но еще не успевшее потемнеть небо. Откуда-то издаleка тянутся звуки гармоник и хохлацкой свистюльки. Рядом со мной сидит Маша, только что возвратившаяся из Полтавы, а немного подалее симпатичный Иваненко. Оба читают. В открытое окно из комнат доносятся разговоры Суворина, приехавшего к нам гостить, <...> и Антона. Оба с жаром толкуют о том, какова была погода в Петербурге и Москве, когда дня три тому назад на всю Россию вдруг напали холода... Завтра ожидаем на Луку Свободина <...> к 3-му — Ваню, к 7-му — нашего милого виолончелиста Семашко <...> Семашко нанял у нас комнату на все лето, и значит мы будем все лето наслаждаться музыкой» (29 мая 1889).

В музыкальных вечерах на Луке участвовал и пианист Георгий Михайлович Линтварев, страстный поклонник Чайковского. Часто музыка дополнялась живым словом. А. Н. Плещеев читал свои стихи, рассказывал о прошлом. Большое оживление в жизнь Луки вносил и артист Свободин. Видный деятель русского театра, человек большой культуры, Свободин выступал перед обитателями Луки в излюбленных ролях своего репертуара: «Каждый вечер артист Свободин кого-нибудь на Луке представляет: или Плюшкина, или банкира Зонненштейна <персонаж популярной в то время пьесы Суворина «Татьяна Решина». — *Егг. Б.*>, или кого-нибудь из героев Островского (Счастливец)», — сообщает Михаил Павлович (1889).

В одном из писем младший Чехов так повествует о дне, проведенном с Чеховым, Свободным и другими обитателями Луки: «...*преlestная погода, так было в воздухе ароматно, что мы решили воспользоваться этим днем вполне, и чего только мы не делали! Раков ловили сотнями; отрывали у них шейки и на эти шейки ловили рыбу. Свободин для курьеза надел фрак и ловил во фраке... <После обеда> мы все, сколько нас было, снарядили флотилию и поплыли вверх по реке. Плыли до заката солнца... После купанья мы с песнями возвратились домой...

Но этого еще мало: Антоша, Ваня, Маша, я, Наташа и Георгий Линтваревы, доктор Глаголев, профессор Тимофеев, <...> Свободин и восемнадцатилетний кадет, которого Антон прозвал „полковником“, — все отправились пехтурой в городской сад. Сад такой, что плюнуть и полно. Половину сада занимает театр с пресмешной труппой. Ролей никто не учит. Так, один актер выпалил такие две фразы: „Я знаю, почему вы любите мою дочь! Вы любите ее потому, что она красивая и хорошенькая!“, „Да, мой друг, с того времени прошло много время!“. В саду мы пробыли чуть не до утра... Кстати, о труппе. Когда мы пригласили всех актеров ужинать, они, бедные, так обрадовались, что честное слово не оставили от цыплят даже костей. А один из актеров то и дело выкрикивал: „Человек! Самую большую рюмку водки!“» (1889).

Во встрече с сумскими актерами автор письма, по молодости лет, увидел только комическую, чисто жанровую сторону. Но ведь за этим ощущается нечто другое, более серьезное — та нищета и бескультурия дореволюционного провинциального актера, которую не раз изображал Чехов в своих рассказах.

В одном из писем Михаила Павловича рассказано о встрече с бродячими музыкантами. «Пришел сейчас к нам на Луку странствующий оркестр и стал играть из „Боккачио“ <оперетта Зуппе. — *Егг. Б.*>. Мы его наняли на целый день за 2 рубля, и теперь он играет в саду... Сейчас играет вальс „Дунайские волны“. Бегу слушать» (6 августа 1889). Не ожили ли эти впечатления через много лет, когда Чехов писал сцену бала в 3-м действии пьесы «Вишневый сад»?

Сообщая Плещееву о своем путешествии на лошадях по Украине, Чехов восторженно пишет: «Какие свадьбы попадались нам на пути, какая чудная музыка слышалась в вечерней тишине...» (XIV, 129). Писатель не мог быть равнодушен к лирически-грустной или задорной украинской народной песне. Об одной из таких песен, популярных на Луке, сообщает в письме от 6 августа 1889 г. Михаил Павлович:

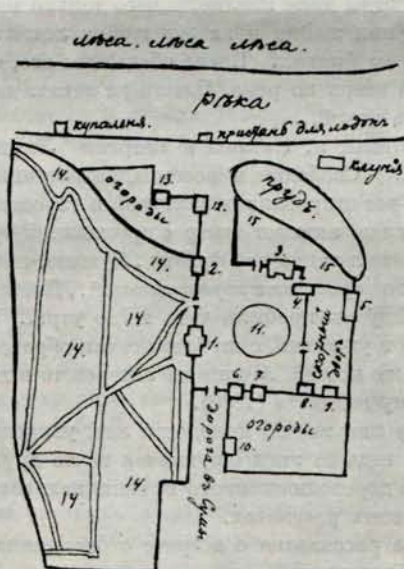
* Начало письма утрачено.

«Здесь в ходу прелестная песенка:

Баламут, ты выйди з хаты!
Хочешь мене закохаты,
Закохаты та й забуду.
Вси вы, хлопцы, баламуты!
Дотиль в свити я и жила,
Поки тебе не любила,
А тепер що дня я плачу,
Поки тебе не побачу!»

Возвращаясь из поездки в Таганрог, Михаил Павлович с нетерпением ожидает встречи со старшим братом: «Вот уже в голубой дали сверкнули Сумы, вот уж и Лука. Поезд скачет мимо нее и останавливается только за две версты. Всё знакомые места... Раздается свисток, столбы крытой платформы мелькают в глазах. Я присматриваюсь к гуляющей по дебаркадеру публике и вижу среди нее Антона. Удивление с обеих сторон: он меня не ожидал, а я не ожидал встретить на вокзале его. Он приехал на вокзал, на паре в дышле, чтобы опустить в почтовый вагон письмо. Я воспользовался случаем, и мы покатили. Первый вечер прошел незаметно. С раннего утра я и Антон уже плавали по реке, ловили раков, ставили в камышах верши для рыбы, потом слушали музыку, два раза купались, потом опять пошли раков ловить и только к вечеру успокоились» (17 мая 1889).

Как и раньше, Михаил Павлович хочет возможно ближе посвятить своего корреспондента в жизнь семьи. Со свойственной ему любовью к точности, в письме от 29 мая

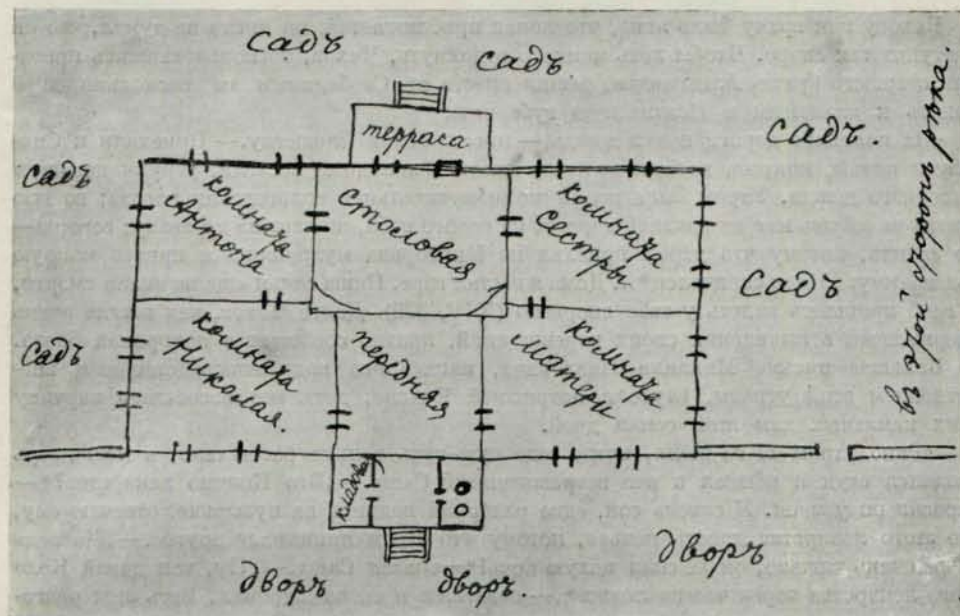

- 1, Большая дача
- 2, Малая дача
- 3, Котельский двор
- 4, Мухомов двор
- 5, Котельский
- 6, Котельский
- 7, Котельский
- 8, Котельский
- 9, Котельский
- 10, Котельский
- 11, Котельский
- 12, Котельский
- 13, Котельский
- 14, Котельский
- 15, Котельский

ПЛАН УСАДЬБЫ ЛУКИ, ГДЕ в 1888—1889 гг. ПРОВОДИЛИ ЛЕТО ЧЕХОВЫ

Рисунок в письме М. П. Чехова
к Г. М. Чехову от 29 мая 1889 г.

Литературный музей, Москва

ПЛАН ФЛИГЕЛЯ № 1 В УСАДЬБЕ ЛУКЕ, КОТОРЫЙ ЛЕТОМ 1889 г. ЗАНИМАЛИ ЧЕХОВЫ

Рисунок в письме М. П. Чехова к Г. М. Чехову от 29 мая 1889 г.

Литературный музей, Москва

1889 г. он запечатлел места, где жили Чеховы, в подробном плане усадьбы и ее ближайших окрестностей. Этот план значительно более подробный, чем схема-рисунок Чехова в письме от 8—9 мая 1888 г. (XIV, 104).

«Большая» и «малая» дачи — это флигели, где в 1889 г. жили Чеховы. Из писем Чехова известно, что в 1888 г. семья писателя занимала только один флигель — домик с колоннами (№ 1 на плане). В 1889 г. писатель снял у Линтваревых и второй, меньший флигель (№ 2), где раньше помещалась временная камера мирового судьи, кухня и где жила кухарка. Михаил Павлович воспроизводит детальную планировку обоих флигелей.

К плану флигеля № 1 дано такое пояснение:

«Это наша „большая дача“. Здесь мы обедаем, пьем чай, подолгу разговариваем, здесь принимаем гостей, и едва только наступает полночь, все, кому предназначены в этом доме комнаты, остаются здесь, а меня и гостей выгоняют в другой дом, принадлежащий к нашей же даче и очень удобный для нашего холостяцкого житья. Этот дом находится недалеко от большого и точно так же, как и он, выходит окнами во двор и сад» (29 мая 1889).

В письмах из Луки получила отражение и смерть Николая Павловича Чехова. Писатель горячо любил брата — спутника детства и юности, сердечного, доброго человека. Чехов высоко ценил «хороший сильный русский талант» художника и с глубоким огорчением переживал бытовую и творческую неустроенность жизни Николая. Несмотря на то, что писатель был несколько моложе брата, он испытывал к нему чувство, похожее на отеческое — Чехов опекал художника, заботился о нем, больном и беспомощном, лечил его.

Михаил Павлович сообщает в Таганрог о состоянии здоровья больного, и перед нами возникает картина медленного умирания художника. В первый месяц пребывания на Луке Николай Павлович мог еще выходить и много времени проводил на воздухе, но скоро он совсем ослабел и лежал у себя в комнате. Почти непрерывный кашель лишил покоя самого больного, окружавших его и особенно писателя, комната которого, как это видно на плане, находилась рядом с комнатой Николая.

Чехову как врачу было ясно, что конец приближается, но никто не думал, что он наступит так скоро. Чтобы хоть немного отдохнуть, Чехов, воспользовавшись приездом старшего брата Александра, решил вместе со Свободным на несколько дней уехать к знакомым в Полтавскую губернию.

«На половине дороги полил дождь,— писал Чехов Плещееву.— Приехали к Смагиным ночью, мокрые, холодные, легли спать в холодные постели, уснули под шум холодного дождя. Утром была все та же возмутительная вологодская погода; во всю жизнь не забыть мне ни грязной дороги, ни серого неба, ни слез на деревьях; говорю— не забыть, потому что утром приехал из Миргорода мужичонко и привез мокрую телеграмму: „Коля скончался“ ... Дома я застал горе. Наша семья еще не знала смерти, и гроб пришлось видеть у себя впервые» (XIV, 379). Далее Чехов, как всегда очень сдержанный в выявлении своих переживаний, кратко сообщает о похоронах брата.

Большое письмо Михаила Павловича, написанное под непосредственным впечатлением этой утраты, глубоко потрясшей Чехова, детально воссоздает картину этих памятных для всей семьи дней.

«Рано утром 17-го июня, когда еще чуть-чуть только рассветало, в мою дверь раздался стук и вбежал в нее встревоженный Саша.— „Это Колино лекарство?“— спросил он у меня. Я сквозь сон, едва разбирая надпись на пузырьке, отвечаю ему, что этого лекарства давать нельзя, потому что Коля принимает другое.— „Да ведь Коле очень тяжело, он не спал целую ночь!“— сказал Саша.— „Ну, так давай Коле этого лекарства через час по ложке“,— ответил я и снова задремал. Весь этот разговор произошел потому, что Антоша уже дня два как уехал в Полтаву и, уезжая, назначил Коле порошки и строго-настрого приказал нам, если Коле станет хуже, давать ему ту микстуру, с которой прибежал ко мне Александр.

Потом, уже попозже, прибегает ко мне Саша снова и, плача, говорит мне, что Коли не стало. Я быстро одеваюсь, бегу через весь двор в наш дом, застаю в нем каких-то неизвестных мне людей, доктора, каких-то старушек, плакавших навзрыд, а когда отворил дверь в комнату мамы, я увидел мать и сестру в горьких слезах, около них стояли Линтваревы, тоже вытиравшие платком глаза. Я бросился утешать мать и, глотая слезы и боясь как бы не расплакаться самому, стал говорить ей ласковые слова.— „Не мешай мне плакать! — говорила мать.— Дай мне выплакать свое горе!“ . Я оставил мать и сестру на попечении Линтваревых и пошел к Коле. Здесь уже происходило обмывание. Коля лежал на полу, сухой, как щетка, с ввалившимися щеками и желтый, как воск. Приготовив ему одежду и почему-то боясь за мать и за отца, я написал телеграммы Антону и отцу, отправил их на телеграф, а сам пошел к матери и сестре и снова стал утешать их. Добрые Линтваревы все заботы о похоронах взяли на себя, быстро зазвонили в церкви по покойнике, кто-то поспал в город заказывать гроб, кто-то пригласил батюшку с причетником. Елена Михайловна принесла сколько-то денег, думая, что мы в них стеснены. Хорошие они люди!

В 11 часов утра Колю обставили и осыпали цветами и в первый раз отслужили по Коле панихиду. Народу набралось много, и при пении «вечная память» плакали все: и чужие, и свои, и господа, и мужики. После панихиды ушли все, и у гроба осталась только одна мать, в черном платье. Она смотрела безмолвно на Николая и иногда горько-горько плакала. Она становилась на колени, касалась лбом пола и, рыдая, подолгу оставалась в такой позе. Часто я входил к ней, старался утешить ее, но, чувствуя, что мои утешения не в силах уменьшить ее материнского горя и, боясь как бы не расплакаться самому, выходил из комнаты. Раз как-то я вышел так на крыльцо, смотрю— Саша заказывает плотнику крест, и это еще более убедило меня в том, что Коля умер: раньше я как-то не верил, да не верилось и маме и сестре(<...>) Николай же лежал на столе с прекраснейшим выражением лица, точно и не умирал и точно сбоку его и не раздавались рыдания. Ночью причетник читал псалтырь, какие-то старушки вполголоса разговаривали между собой, мать чуть не каждый час входила к Коле, а сестру я насильно отправил ночевать к Линтваревым. Я перешел из своего флигеля на ночь к матери.

На следующее утро приехали из Полтавы Антоша и Ваня, печальные и расстроенные. Антоша при виде трупы кое-как крепился, чтобы не беспокоить мать, а Ваня

являются там, где они не должны, и отсутствуют там, где они должны. Это, конечно, не случайно, а результат действия определенных причин. Эти причины, в свою очередь, являются результатом действия других причин, и так далее. Таким образом, мы видим, что все в мире связано и зависит друг от друга. Это, конечно, не означает, что все предопределено, но это означает, что мы должны учитывать все возможные причины и последствия наших действий. Только так мы сможем избежать ошибок и достичь желаемого результата.

Скучный и утомительный

Дорожные впечатления

Николай Иванович

Вот так, в дороге, когда вы сидите в поезде, вы можете увидеть много интересного. Вы можете увидеть красивые пейзажи, вы можете увидеть интересные люди. Вы можете увидеть много всего, что вы не увидите в городе. Это, конечно, не означает, что вы должны ехать в поезд, но это означает, что вы должны быть готовы увидеть все, что вам встретится.

Николай

Вот так, в дороге, когда вы сидите в поезде, вы можете увидеть много интересного. Вы можете увидеть красивые пейзажи, вы можете увидеть интересные люди. Вы можете увидеть много всего, что вы не увидите в городе. Это, конечно, не означает, что вы должны ехать в поезд, но это означает, что вы должны быть готовы увидеть все, что вам встретится.

Вот так, в дороге, когда вы сидите в поезде, вы можете увидеть много интересного. Вы можете увидеть красивые пейзажи, вы можете увидеть интересные люди. Вы можете увидеть много всего, что вы не увидите в городе. Это, конечно, не означает, что вы должны ехать в поезд, но это означает, что вы должны быть готовы увидеть все, что вам встретится.

Вот так, в дороге, когда вы сидите в поезде, вы можете увидеть много интересного. Вы можете увидеть красивые пейзажи, вы можете увидеть интересные люди. Вы можете увидеть много всего, что вы не увидите в городе. Это, конечно, не означает, что вы должны ехать в поезд, но это означает, что вы должны быть готовы увидеть все, что вам встретится.

Вот так, в дороге, когда вы сидите в поезде, вы можете увидеть много интересного. Вы можете увидеть красивые пейзажи, вы можете увидеть интересные люди. Вы можете увидеть много всего, что вы не увидите в городе. Это, конечно, не означает, что вы должны ехать в поезд, но это означает, что вы должны быть готовы увидеть все, что вам встретится.

Вот так, в дороге, когда вы сидите в поезде, вы можете увидеть много интересного. Вы можете увидеть красивые пейзажи, вы можете увидеть интересные люди. Вы можете увидеть много всего, что вы не увидите в городе. Это, конечно, не означает, что вы должны ехать в поезд, но это означает, что вы должны быть готовы увидеть все, что вам встретится.

ПИСЬМО Н. П. ЧЕХОВА К ДОКТОРУ Н. Н. ОБОЛОНСКОМУ ОТ МАЯ 1889 Г. ИЗ ЛУКИ
Рисунки сделаны Н. П. Чеховым и отражают его дорожные впечатления от поездки
из Москвы в Луку

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

рыдал как дитя. На утренней панихиде не выдержал и я, вся наша семья собралась в кучку и плакала, плакала без конца <...> К полудню принесли крест и поставили его в саду. Около этого времени я съездил за фотографом, и с Коли была снята фотография. На карточке он вышел лежавшим на столе и с тем же прекрасным выражением лица <...> После вечерней панихиды мама отправилась на кладбище, выбрала там очень поэтичное место для могилы, заказала самую могилу, а я до самого позднего вечера писал на кресте масляными красками надпись на славянском наречии. Надпись вот какова:

1858 — 1889
 Николай Павлович Чехов

Вторую ночь провели так же тяжело, как и первую, и еле-еле мама задремывала под мерное, монотонное чтение псаломщика.

Не могу описать вам той печали, тех слез и тех нравственных мук, которые захватили всех присутствовавших, когда на следующее утро Колю положили в гроб, и, убрав его цветами и венками, после панихиды стали выносить его в церковь. Мать рыдала, кричала Коле разные слова, сестра еле стояла на ногах, одним словом, не было человека, который бы оставался спокоен. Процессия была скромная, но умиляющая: впереди несли крест и хоругви, потом Маша, две барышни Линтваревых и барышня Курганова, все в слезах, несли крышку от гроба с положенным на нее венком; за крышкой следовало духовенство и певчие, а за ними Саша, Антоша, Ваня, я, Иваненко и Георгий Михайлович Линтварев несли гроб. За гробом под руку с г-жей Линтваревой шла наша бедная мать, а за ними многочисленная толпа. Во всю дорогу к церкви звонили в колокола и на каждом угле служили литии. Обедню служили при полном освещении храма, и на панихиде всем присутствовавшим были розданы свечи. Почему-то больше половины всех молящихся были дети. Из церкви гроб несли на кладбище те же, крышку — те же, и процессия шла в том же порядке <...> Гроб закрыли только на кладбище и с печалью опустили его в могилу. Над ним был сделан склеп, поставлен крест, могилку убрали цветами, на крест повесили венки, постояли еще несколько времени у могилки и с тяжелым сердцем возвратились домой <...>

Колину могилу видно за две версты с трех сторон: с севера, запада и юга. Судьба устроила это, вероятно, для того, что на севере он жил, на западе работал и умер и на юге родился» (22 июня 1889).

Это письмо-дневник правдиво и взволнованно передает атмосферу глубокой скорби семьи писателя. Оно словно вводит нас в душевное состояние Чехова, вдруг ощутившего огромную, ничем не восполнимую пустоту. «Бедняга Николай умер. Я поглотил и потускнел. Скука адская, поэзии в жизни ни на грош, желания отсутствуют и проч. и проч.», — писал Чехов (XIV, 381).

Чехов не мог уже оставаться на Луке, где ему было прежде так хорошо. 3 июля 1889 г. Михаил Павлович сообщал в Таганрог: «Проводили мы Антошу за границу. Ваня поехал сопровождать его до Одессы, и сейчас оба они в Киеве». Как известно, заграничная поездка писателя не состоялась. Чехов на некоторое время задержался в Одессе, где гастролировал Малый театр, оттуда перебрался в Ялту и 11 августа снова был среди своих близких на Луке.

В начале сентября 1889 г. Чехов и его домашние вернулись в Москву. 12 сентября Михаил Павлович писал двоюродному брату: «Основались мы вполне. Дачная жизнь мало-помалу стала забываться, милая Хохландия со своими каштанами, виноградом и тополями уже уступила место шумной и неугомонной Москве, лето уже кончилось и настала осень. Маша ходит в гимназию, мать бегает по хозяйству, Антоша все пишет и пишет. Ваня учительствует и, одним словом, — все вошло в свою колею и ничуть не изменилось с того времени, как ты гостил у нас. Точно лета и не существовало. Дождь льет, как из ведра: страшный ветер свистит в вентиляцию в печке и невольно задаешься вопросом: куда делось лето? Где теперь Лука?»

РАССКАЗ М. П. ЧЕХОВА «ПОЛТО-
РАСТА ВЕРСТ». ОТТИСК ИЗ ЖУР-
НАЛА «РОДНИК» (1889, № 7)

С дарственной надписью:
«Антону Павловичу Чехову от автора,
5-го сентября 89 г.»

Собрание С. М. Чехова, Москва

В конце 1889 — начале 1890 г. Чехов, совершенно неожиданно для окружающих, стал собираться на Сахалин. Впервые он уезжал в такой далекий путь и так надолго. Родные с тревогой провожали его. В письме младшего Чехова, датированном 25 апреля 1890 г., сказано коротко: «Тягостные проводы Антона в кругосветное путешествие». Как видно из следующих писем, это не обмолвка, — Чехов действительно собирался вернуться домой через Америку.

В письмах Михаил Павлович мысленно следит за маршрутом брата. 25 июня 1890 г. он сообщает в Таганрог из опустевшей Луки, где семья Чеховых проводила третье лето: «Антоша плывет теперь по Амуру, Ване не дал отпуска, Саша в Питере, Маша вот уже месяц как в Крыму... Дома только я, да мать. Ну, конечно, скучаю».

Следующее упоминание о Чехове в письме от 4 августа: «Антон — на Сахалине, здоров, приедет через Америку в декабре и таким образом объедет вокруг света». 1 ноября, очевидно, после получения телеграммы от Чехова, он пишет: «Антон сейчас в Гонг-Конге по пути домой. Пароход „Петербург“. 10 декабря пьем с ним в Москве шампанское». О радостной встрече со старшим братом после восьмимесячной разлуки мы знаем из позднейших воспоминаний Михаила Павловича.

Известно, что по приезде в Москву Чехов уже не вернулся в дом на Садовой-Кудринской: в отсутствие писателя его семья переменила квартиру и поселилась на Малой Дмитровке (ныне улица Чехова) в доме Фирганг.

Поездка на Сахалин, широко раскрывшая перед Чеховым жизнь России, несомненно была толчком, ускорившим стремление писателя жить «среди народа». Еще в конце 1880-х годов писатель начинает думать о том, чтобы надолго поселиться в деревне, и письма Михаила Павловича также свидетельствуют об этом.

В марте 1889 г. Чехов совершил поездку в район Харькова, где продавался хутор, но покупка не состоялась, так как, по словам Михаила Павловича, «показалось ему

место очень многолюдным, а он ищет, кажется, места потише, поуединенней» (21 марта 1889). Ранней весной 1892 г. семья Чеховых поселилась в селе Мелихове. В начале 1890-х годов произошли большие перемены в жизни Михаила Павловича. После окончания университета он некоторое время служил в Московской казенной палате, а потом был назначен податным инспектором в город Ефремов Тульской губернии, оттуда его перевели по службе в Алексин.

Служба, связанная с разъездами по району, позволила Михаилу Павловичу часто навещать родных. Летние месяцы 1892 г. он провел почти безвыездно в Мелихове.

В ноябре 1892 г. Михаил Павлович добился перевода по службе в Серпухов. Мелихово, находившееся в Серпуховском уезде, теперь стало одним из пунктов деятельности податного инспектора. Однако в Мелихове Михаил Павлович не стал просто гостем или дачником, пользующимся всеми благами отдыха среди природы. Юрист по образованию, никогда до того времени не занимавшийся сельским хозяйством, он с увлечением принялся за полевые работы и скоро стал признанным руководителем довольно сложного мелиховского хозяйства. «Миша превосходно хозяйничает... Без него я ничего бы не сделал», — писал Чехов (XV, 380).

Письма Михаила Павловича отражают увлечение членов семьи писателя сельским хозяйством. У Чеховых, предки которых были крестьянами, точно проснулась скрытая до времени страсть к земле. С наивной гордостью новоиспеченного хозяина Михаил Павлович писал двоюродному брату:

«Ну, что сказать тебе о Мелихове. Приезжай сам — увидишь. У меня там шесть лошадей, будем кататься верхом, я повожу тебя по нашим дремучим лесам, где верст пять все идешь и идешь, а вся земля *наша*. Рожь у меня прекрасная, но овсы и травы выгорели от жары и засухи, а огород сестры — загляденье; одной капусты у нее 800 кочней. Сено уже скосили... и если бы ты видел, как въезжали во двор возы с сеном и как вершили его в стог! Прелесть, что за время! Через неделю, вероятно, начну жатву... Рига уже готова к принятию снопов и молотбы, и сортировка готовится к работе: настанет хорошее горячее время, когда день и ночь будем убирать рожь. Вообще прелестьная вещь сельское хозяйство! С утра до вечера в поле и в лесу — а в голове все планы, планы, планы... Войдешь в конюшню, выведешь *своего* коня, оседлаешь и марш в лес на покос... А там, гляди, издалека доносятся звонки: к нам это или не к нам? нет, к нам? нет, не к нам! „А, здравствуйте“ и т. д. и т. д. А вечером прогулки целой компанией к лесу... Гуляем мы до поздней ночи, а просыпаемся вместе с солнцем» (26 июня 1892). Осенью, когда прекращались работы в поле, огороде, в саду и в усадьбе, становилось совсем тихо. Гости теперь реже навещали Чеховых, и Антон Павлович все свое внимание отдавал творческому труду. Неугомонные отец и мать писателя проводили дни в хлопотах, занимаясь подготовкой к надвигавшейся зиме.

«Папаша здоров, ходит по хозяйству, от амбара до риги, от риги до погреба и все хлопочет и хлопочет», — писал Михаил Павлович дяде Митрофану Егоровичу. — Он целые дни проводит на дворе, на воздухе и своим румянцем и бодростью духа, право, любого молодца заткнет за пояс. Мамаша тоже хлопочет: капуста, голодовка собак, в которую только она одна и верит, потому что у нее голодают все: и мы, съедающие чуть ли не два обеда сразу, и собаки, жрущие походя, — одним словом, все ее хлопоты заключаются в заботах о всех и нерадении о самой себе».

Письмо заканчивается картиной осеннего вечера, когда наступали часы отдыха писателя и его домашних. «Сейчас, когда я при лампе и при свече пишу <...>, она <мать. — Ег. Б.> сидит против меня и после трудов праведных раскладывает пасьянс, — сообщает Михаил Павлович. — А ветер гудит и гудит. Антоша сидит у себя в комнате, заперся, топит печку, печка греет, а он зябнет. Позябнет, позябнет, а потом выйдет и скажет: „Ну, погодочка! Мама, не пора ли поужинать?“ А мать в ответ: „Сейчас, сейчас!“ Ей жаль бросить пасьянс, а я спешу кончать это письмо» (7 октября 1892 г.).

В 1894 г. Михаил Павлович расстался с Мелиховом, так как был переведен по службе в Углич. В 1898 г. он переехал в Ярославль, а с 1901 г. поселился в Петербурге. Встречи с писателем стали редкими, и немногие упоминания о нем в позднейших письмах не представляют интереса.